

**История изучения формирования японской философии исследователями
конца 19го века**

Научный руководитель – Фалев Егор Валерьевич

Богуславская Мария Алексеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории зарубежной философии, Москва, Россия

E-mail: sleepless@ro.ru

В данной работе проводится попытка проанализировать поиск собственной идентичности философами послереволюционной Японии конца 19 века через исследование и понимание ими трудов эпохи Эдо, за авторством Томинага Накамото, Миура Байеном, Ван Янмином и др. Приведем некоторые тезисы из данного обзорного анализа.

Томинага Накамото и Сорай, на основе своих детальных знаний древних документов анализировали и безжалостно критиковали позднейших конфуцианцев, особенно Сунское учение. Они стремились к объективности и использовали историко-философский метод, исключали любые моральные суждения из своих интерпретаций текстов, подчеркивая важность специфики каждого периода истории с точки зрения идей и институтов. Кајо - теория, выдвинутая Накамото, возможно, была вдохновлена таким методом, как метод Сорая, тем более что Накамото, скорее всего, был знаком с его трудами. Разница между этими двумя мыслителями состояла прежде всего в том, что метод Сорая не мешал ему утверждать, возможно, более решительно, чем кто-либо другой, абсолютный авторитет Пути Древних Королей, проповедуемого Конфуцием; в то время как теория кајо Накамото, гораздо более универсальная в применении, чем теория Сорая, не допускала никаких исключений, даже Древних Королей или самого Конфуция. Сорай пришел к рациональному подходу к конфуцианским школам не вопреки, а благодаря тому, что он приписывал конфуцианской «истине» трансцендентный характер. Томинага Накамото, независимо от того, действительно ли он находился под влиянием Сорая или нет, развил до крайности рациональный подход к конфуцианским идеям, неизбежно лишив конфуцианство каких-либо притязаний на абсолютную ценность или истину. Сорай был конфуцианцем, критиковавшим конфуцианцев; Накамото изучал историю идей и не придерживался никакой идеологии. Именно в *Shutsujo kogo* и также в *Okina no fumi* Томинага Накамото в более сжатом виде исследовал джунгли буддийских текстов, прослеживая процесс как в до-буддийских философиях, так и в буддийских теориях: от теории «пустоты вещей» к «безграничному знанию», затем к «ни вещи, ни знания» или «концепции небытия», наконец, к «ни концепции, ни отсутствие концепции», или от «пустоты вещей» к «пустоте» *Maḥārajñā-rāgamitā*, за которой, в свою очередь, следовало «Не пустота, а бытие как таковое» сутры Лотоса и других, и т. д. Конечно, Томинага Накамото не мог точно установить хронологический порядок буддийских текстов, потому что он полагался исключительно на собрание сутр, переведенных на китайский язык без учета индийской хронологии. Все, что он делал, несмотря на свои ограниченные знания о хронологии, было попыткой объяснить отношения между противоречащими друг другу сутрами с отстраненной исторической точки зрения; это была единственная подобная попытка до работ современных буддологов. Автор применил к синтоизму тот же метод исследования, что и к конфуцианству или буддизму, не делая никаких различий между местной японской религией и изначально чуждыми идеологиями. Проблемам, связанным с изучением буддийских текстов: «Что касается слов, то следует учитывать три вещи: говорящего, время

и различные типы чувств. Это мой способ научиться интерпретировать все выражения в связи с этими тремя вещами». Согласно Shutsujo kōgo, во-первых, разные говорящие или авторы используют разные слова или выражения для обозначения одного и того же, как разные сутры обозначают конечную цель буддизма множеством разных слов, таких как Пробужденный, dharmatā, prajñā и т. д.; это слово следует толковать в соответствии с интеллектуальной позицией говорящего. Во-вторых, произношение одного и того же слова меняется в ходе истории, о чем свидетельствуют различные транскрипции одного и того же санскритского слова различными переводчиками, такими как Kumaraḥjīva и Hsuantsang; таким образом, слово соотносится со временем, в котором оно используется. В-третьих, существует пять различных типов смыслов: слово может быть использовано в переносном смысле (расширенный смысл); или в узком смысле, который является первоначальным смыслом (односторонний смысл); или в широком смысле (общий смысл); или оно может быть загружено новым смыслом, вызванным первоначальным смыслом (преобразованный смысл); или слово, первоначально использованное в плохом смысле, может использоваться в хорошем смысле (противоположный смысл). Вывод из трех своих критических работ о буддизме, конфуцианстве и синтоизме подводит сам Накамото в книге Okina no fumi: «В любом случае, буддизм — это путь Индии, конфуцианство — это путь Китая, и поскольку они принадлежат другим странам, это не Путь Японии. Синтоизм — это путь Японии, но поскольку он принадлежит другим временам, он не может быть путем современного мира. Тогда каков же его собственный путь? Отрывок из его работы отвечает на этот вопрос: «Это закон природы, согласно которому вы должны поступать хорошо, а не быть плохим; потому что делать добро естественно, а делать зло - противоестественно. Вам не нужны в этом отношении учения буддизма или конфуцианства». Также в одной из глав книги Okina no fumi говорится: «Мы должны просто стремиться во всех делах к тому, что является обычным; должны иметь честное сердце и правильно вести себя в нашей повседневной жизни. Если у вас есть мастер, вы должны быть преданы ему. Если у вас есть дети, вы должны хорошо их учить. Если у вас есть слуги, вы должны хорошо ими управлять. . . ».

Миура Байэн как представитель нового рационализма, критиковал христианство, полагая, что оно используется для подрыва японской культуры и для дальнейшей экспансии, был увлечен естественными науками, изучив их переведенными на китайский язык. Но истинной науке должна быть присуща логика организованности, упорядоченности или дзэри, чего недоставало западной философии, как полагал Миура. Отвергая также и христианское мирописание, он создает оригинальную философскую систему, которая объясняет развитие мира через единство и борьбу противоположностей, логику тезиса-антитезиса-синтеза, а также через единую изначальную космическую энергию (ichi genki), которая бесконечно создает и трансформирует всю совокупность вещей. Миура применил логику дзэри к данным астрономической науки, объяснив таким образом существование вселенной. Диалектика для Миуры — это не один элемент системы, а сама система, и все вращается вокруг этой центральной концепции. Начало движения этой энергии Миура объясняет Ки, в этом его логика находится вполне в рамках неоконфуцианства. Так он объясняет энергию: «Изначальная Энергия наполняет даже самые маленькие места во вселенной. Рассеиваясь и собираясь, она бесконечно порождает и трансформирует». Сам термин ichi genki принимался как наиболее подходящее, но не окончательно сформированное определение: «Трудно дать этому имя; мы можем лишь условно называть это ichi genki».

Таким образом, анализ работ исследователей эпохи Мэйдзи показал, что европейские философские категории не заменили традиционный японский интеллектуализм, а преобразовали его, сохранив собственную идентичность.

Источники и литература

- 1) Nakamoto T., Shūichi K. Okina no Fumi (The Writings of an Old Man) // Monumenta Nipponica. – 1967. – Т. 22
- 2) Tominaga N., Radke R. Worte nach der Meditation: die historische Buddhismus-Kritik. – Lang, 2003
- 3) Shimada kenji. Miura baien no tetsugaku: Kyokutō [U+5112] [U+5B78] Shisō-shi no kenchi kara. – 1979